Ливадный Андрей Темная сторона Земли

Андрей ЛИВАДНЫЙ

Темная сторона Земли

Его звали Хелл.

Полное имя мальчика звучало мудрено, и узнать его он мог только в день своего совершеннолетия, но до этого заветного дня оставалось еще столько времени - пять голубых и четыре красных солнца, в течение которых он так и останется Хеллом - подростком, только вступившим в пору юности, немного нескладным, сутуловатым, любопытным и непоседливым, как все мальчишки его возраста.

...День заканчивался вполне обычно

Вдали послышался стук, затем ветерок донес бряцание оружия и цокот копыт по мощеной улице. Звуки были привычными, они не вызывали недоумения или страха, Хелл знал, что это на старых, уже порядком подгнивших укреплениях, защищавших поселок, менялась стража. Вечер клонился к сумеркам, красное око Владыки Ночи уже наползло на бледно-желтый диск дневного светила и затмило его.

Из импровизированного убежища, в котором устроился подросток, была видна часть двора и угол родного дома. Сейчас прозвучит вечерний гонг, а потом мама позовет его...

- Хелл, долго тебя ждать? - раздался из-за приоткрытой ставни голос матери. - Ужинать пора!

Мальчик нехотя оторвался от своего занятия. Он мастерил свой первый в жизни самострел: в кустах за домом Хелл облюбовал прогалину, над которой ветви и листья образовывали плотный шатер, здесь и устроил мастерскую, стащив дедушкин инструмент, который все равно бесполезно ржавел в чулане.

Мать не любила повторять дважды, а воинских упражнений сына не приветствовала вообще, и потому он, взглянув в прореху между листьями на кроваво-красного Владыку Ночи, уже полностью затмившего своего дневного брата, торопливо сложил недоструганные дощечки в земляной тайник и стал выбираться из густой поросли кустарника.

Доделаю завтра... - решил он про себя.

Хелл не мог подозревать, что "завтра" у него не будет.

Он не узнает своего полного имени, и в мужчины его посвятит не старейшина селения... потому что все сотрет эта ночь, расколов понятие "жизнь" на две половины - на "до" и "после", на черную реальность и тускнеющие светлые воспоминания беззаботного детства...

***

...Они приближались, двигаясь от зоны вечных сумерек, минуя редкие

беспечные заслоны на дорогах, немые и почти бесшумные, будто внезапно обретшие плоть страшные тени.

Впрочем, много ли было у них плоти?

Об этом знали разве что они сами, да те немногие воины, кому посчастливилось выжить в жестоких схватках с исчадиями темной стороны мира во время последней войны.

Опытный глаз, заметив группу из двадцати существ, сразу бы определил: охотники или разведчики. Шли они налегке, двигались, по большей части, звериными тропами, подальше от мощеных дорог, поближе к влажной, прелой тишине, где наглухо тонуло негромкое повизгивание двигавших ими адских сил.

Это были Летарги.

***

Поселок, где жил Хелл, раньше стоял на самой границе, но закончившаяся за несколько месяцев до рождения мальчика война отодвинула бурые замшелые камни с межевыми и охранными знаками далеко к сумеркам, на пять или шесть дней пути от его родного дома.

Много было пролито крови, чтобы купить ту благодатную тишину, в которой проходило его раннее беззаботное детство. Несколько лет после окончания войны новую границу по-прежнему боялись, ей не верили, как не верили и старой, жили по привычке: в страхе и напряжении, но потом, когда отряды правителя сэра Донга Бесстрастного прочно встали на пороге сумерек, доброй сталью перекрывая путь всем исчадиям темной стороны, прошлое понемногу отлегло от сердец, позабылось, начало порастать былью, так же, как символические могилы воинов, отдавших свою жизнь за эту сонную, спокойную тишину.

Потому, наверное, и не обновлялись укрепления вокруг поселка. Люди втянулись в новый уклад жизни, и две башни из дикого камня с узкими, уже замшелыми по краям бойницами так и остались не возведенными до конца, лишь мокли и чернели под зимними дождями стропила не покрытых черепицей крыш.

Да и воины стали уже не те. Вместо жилистых, сухощавых, молчаливых, украшенных шрамами бойцов в отрядах появились круглолицые парни, с выпирающими из-под брони мускулами, добродушные, охочие до девок, несущие службу скорее из-за робости перед правителем, да за те деньги, что он посылал им, как стражам приграничья.

Хелл, как и большинство мальчишек его возраста, мечтал стать воином. Он не очень понимал, что именно должно вкладываться в данное понятие, но вид соседских мужчин, которые несколько раз в неделю

оставляли работы в поле и вечером, весело переговариваясь, побрякивая скверно пригнанным оружием и доспехами, шли на старые, обветшалые укрепления, чтобы провести там бессонную ночь, будоражил воображение мальчика.

Ему чудились подвиги и опасности, но говорить о своих мечтах вслух не стоило. Отец погиб в последний месяц войны на границе, и мать слышать не хотела о военном будущем сына.

Есть у тебя земля - вот и работай, сынок, неси добро и ей, и себе, раз появился у нас сильный и мудрый правитель, который держит на пороге сумерек своих воинов, предоставляя тебе возможность жить как человеку, не деля ложе между собой и женой холодной сталью, не вскакивая по ночам...

Хелл не знал, насколько справедливы ее слова. Есть опыт, который невозможно перенять от других, нужно выдубить его на собственной шкуре.

...Собрав недоструганные дощечки, он вздохнул и пошел домой, не дожидаясь повторного сердитого окрика.

***

Ужинали, как обычно, втроем. Мать накрыла на стол, дед уже сидел на лавке, пристраивая свой негнущийся деревянный протез, и Хелл, проскользнув мимо него, сел на свое место, тут же ухватив кусок хлеба.

Мать, возившаяся у очага, каким-то образом заметила это и укоризненно покачала головой.

- Руки вымыл? - спросила она.

- Угу, - невнятно промычал Хелл, наслаждаясь вкусом свежеиспеченного хлеба. Прожевав, он посмотрел на деда.

Тот, заметив взгляд внука, хитро подмигнул в ответ.

- Дед, а почему днем солнце желтое и жаркое, а ночью красное и холодное?

Мать, услышав вопрос сына, машинально сотворила в воздухе охранный знак неба.

- Ты бы еще спросил, отчего половина мира черная и мертвая, а половина живая и светлая, - с упреком произнесла она. - Не искушай на темную сторону...

- Погоди, мать. - Дед ласково посмотрел на любознательного внука своими усталыми, мутноватыми глазами и охотно стал объяснять:

- Давным-давно, еще до Ярости Неба, у нас было лишь одно солнце. - Он машинально провел ладонью по гладко отполированной временем деревяшке, которая заменяла ему ногу, потерянную в боях с полчищами

Летаргов. - Тогда наш мир был совсем не таким - ночью было черно, как на темной стороне, а днем...

Хелл навострил уши, предчувствуя интересный рассказ, мать, нахмурившаяся было, махнула рукой, взяла горшок с подоспевшей вечерней кашей и направилась к столу, но в этот момент звук гонга, разорвавший сонную вечернюю тишину, заставил ее остолбенеть, едва не выронив горячую ношу, деда умолкнуть на полуслове, а Хелла инстинктивно вжать голову в плечи, - частый ритмичный и тревожный набат разлился внезапной осязаемой тревогой, и тут же, вторя ему, на окраине поселка что-то рыкнуло тугим, ритмичным, как гулкий удар колокола, лопающимся звуком, от которого заломило в ушах, а на оконце, словно от дуновения ветра, взметнуло занавески.

И началось...

***

За несколько минут до этого поселок мирно погружался в красноватый ночной покой.

Стража только что сменилась.

Защищать селение было просто, - природа сама позаботилась об основной части укреплений, возведя по своей прихоти четыре симметричных холма, между которыми и обосновались первые поселенцы несколько сот лет назад. Последующие поколения обнесли разросшуюся пограничную заставу крепкой стеной из железного дерева, которым изобиловали эти места. Говорят, что железное дерево - одно из порождений сумерек, и вероятнее всего это именно так. Древесина у него действительно сероватая, будто крупнозернистый чугун, и прочность соответственная. Вековые исполины в достатке росли по склонам оплывших холмов, но стоило немалых трудов свалить нужное количество деревьев и возвести из их стволов стены.

Теперь, спустя почти пятьсот лет, они понемногу начали терять былую прочность, уступая неторопливому бегу времени. В период последней войны вместо двух разрушенных башен начали возводить новые, из дикого камня, но так и не достроили.

Красное око Владыки Ночи взирало с чистых безоблачных небес на притихшее селение. Скупые лучи ночного светила красили в багрянец серые камни башен, расцвечивая их причудливыми бликами.

Горм, старший заступившей смены, широкоплечий мужчина лет сорока, облаченный в кожаные штаны и куртку, спускался с почерневшей от времени, но еще крепкой бревенчатой стены, когда его взгляд с привычным равнодушием скользивший по окрестностям, вдруг зацепился

за кровавый отблеск, что шальной молнией сверкнул и погас в кустах, по ту сторону стены.

В первый момент он подумал: Почудилось...

Следующим чувством была досада на сельского старшину, который все никак не выделял людей на ежегодную вырубку молодой кустарниковой поросли, подступавшей уже к самым стенам и лишь в одном месте, напротив ворот расступавшейся, давая проход неширокой ухабистой дороге.

Замеченный блик заставил Горма, против обыкновения, задержаться на стене, хотя внизу, в длинном одноэтажном бараке его ждало уютное тепло потрескивающего очага.

Несколько минут он пристально осматривал заросли и, как оказалось, не зря.

Искомое обнаружилось внезапно, но совсем не там, где мелькнул отсвет. Горм просто посмотрел вниз, прямо под стену и обомлел: там, ничуть не скрываясь, возились два Летарга.

Старый воин не дрогнул, лишь спину прошибло внезапным потом, да в груди метнулся холодок неизбежности - уже лет семь, как ни одна тварь не подбиралась так близко к поселку, и былые напасти стали понемногу забываться.

На беду...

Ухнуло, оборвалось сердце, он закричал, привлекая внимание часовых на стенах, и бросился к огрызку металлической трубы, которая висела у лестницы, ведущей на стены. Рядом стоял деревянный молот, и Горм, схватив его, что есть силы замолотил по полому куску побитого ржавчиной железа, высекая из него тревожный глухой ритм, какого давно уже не слышали окрестности.

Все произошло слишком быстро. Часовые, услышав его крик, вслед за которым ожил набат, выглядывали со стен, пытаясь рассмотреть противника в красноватом вечернем сумраке, и в этот миг под самой стеной вдруг оглушительно загрохотало.

В воздух взметнулся оранжевый огонь, смешанный с землей, расщепленными бревнами и горящими на лету, вырванными с корнем кустами; на миг в округе стало светло как днем, даже предметы отбросили резкие тени... и вдруг все почернело от жирного кислого дыма, который взвихрился на месте взрывов, укрывая своим тяжелым пологом горячие конические воронки, образовавшиеся на месте внушительного куска бревенчатой крепостной стены.

Горячие комья земли еще молотили по головам и спинам очумевшей

от неожиданности стражи, когда из занявшегося огнем кустарника появились молчаливые фигуры Летаргов.

Для человека, родившегося и выросшего в приграничье, нет зрелища более страшного, чем молчаливые, возникающие из дыма, освещенные языками пламени фигуры.

Летарги шли, не скрываясь, их лица не искажала мимика, голубые глаза, чистые, как кристаллы пресноводного льда, смотрели на содрогнувшийся от взрывов мир спокойно, без вызова, но и без жалости.

Если вспомнить, что существовало множество видов Летаргов, то стоило признать, - эти относились к категории бойцов. Рослые, сильные, молчаливые, все в отливающей серым мелкозернистым сплавом броне, только лица открыты, да еще кисти рук, сжимающих оружие, вот, наверно, и все, где видна плоть, свидетельствующая, что существа, несмотря на свою схожесть с людьми, лишь их подобия. Живое означало, что они из сумерек, то есть - не худшее из зол, но для поселка, в обороне которого была пробита изрядная брешь, - верная погибель.

...

Паника взметнулась и погасла перед лицом неизбежности.

Двое Летаргов, войдя в брешь стены, столкнулись лицом к лицу с караульным отрядом, состоявшим в этот момент из семи человек. Остальные еще не успели подтянуться к месту внезапного прорыва от дальнего периметра стен.

Все происходило в напряженной, нереальной тишине, где в первые секунды схватки был отчетливо лишь слышен треск горящего кустарника и шумное, сбивчивое дыхание воинов.

Караульные мгновенно образовали полукруг, перекрыв пролом в стене. Только у двоих стражников оказались с собой щиты, остальные не удосужились взять их из оружейных комнат, давно рассудив, что незачем таскать с собой такую тяжесть.

Летарги приближались. Они шли спокойно, с нечеловеческой уверенностью в своих силах, а за их спинами уже трещали и ломались кусты, выдавая продвижение более крупных сил.

Стража, перекрывшая дымящуюся брешь, выглядела в этот момент не лучшим образом. Пятеро из них были совсем молодыми бойцами. Они впервые столкнулись с исчадиями сумерек, но не дрогнули, лишь лица, ставшие серее той скверной бумаги, на которой выцарапывал долговые расписки сельский старшина, выдавали их волнение и страх. Двое более опытных воинов, которые, помимо мечей, были вооружены еще и прямоугольными щитами, оказались в центре цепи, они и приняли на себя

первый удар.

Один из Летаргов внезапно вскинул левую руку, и в тусклом сиянии ночного светила по окружности запястья кроваво сверкнули тонкие острые жала стрел. Раздался сухой щелчок, какой бывает, когда спускаешь собачку туго сжатой пружины, и тонкий свист распорол дымную сторожкую тишину.

Молодой рыжий парень, который стоял по левую руку от двух, занявших центр бреши бывалых воинов, вдруг слабо вскрикнул, и, выронив меч, вскинул руки к груди.

Его глаза полезли из орбит, когда между пальцев хлынула кровь, и он последним проблеском угасающего разума осознал, что немота рождена стрелой, пробившей навылет его доспехи и вонзившейся глубоко в плоть.

- В стороны! Прячьтесь за бревна! - Мгновенно сообразив, чем вооружен противник, закричал воин со щитом, бросаясь вперед, на двух Летаргов. Его товарищ ринулся следом, а четверо молодых стражников так и остались стоять, потому что все спрессовалось в считанные секунды, и их оторопелый разум не поспевал за событиями...

Первый воин принял две стрелы на щит, но третьего удара не выдержал кованый круг в центре, от которого лучами расходились скрепляющие щит полосы металла, и он раскололся на несколько частей.

***

Впоследствии Хелл не раз проклинал тот ужас, который заставил его, выпучив глаза, кинуться прочь из дома.

Мальчика словно подменили. Страх пред внезапными обрушившимися на его неокрепший разум страшными и непонятными событиями оказался так велик, что он, очертя голову ринулся бежать.

Мать, пытаясь остановить его, отчаянно кричала что-то вслед, но Хелл не слышал ее голоса - он вообще перестал слышать что-либо, кроме звона в ушах. Когда он попытался зажать уши ладонями, то ощутил что-то горячее и липкое.

Это была кровь, которая сочилась из ушных раковин.

Осязание крови напугало его еще больше. Хелл совершенно потерял голову. Он был в шоке от оглушительного взрыва, погрузившего весь мир в звенящую вату, и бежал, не разбирая дороги, только затем, чтобы бежать.

Ноги вынесли его сначала на центральную площадь поселка, по которой в панике метались люди, а потом и дальше. Не соображая, что делает, мальчик вдруг выскочил к крепостной стене и остановился как вкопанный.

Бревенчатой стены между двумя недостроенными каменными

башнями попросту не было.

Он застыл, пораженный увиденным, и не заметил, как из дымного сумрака за его спиной появился один из Летаргов.

Рука, сращенная из плоти и металла, наискось ударила мальчика в район затылка, мир вдруг вспыхнул перед его глазами и померк.

***

В первый раз он пришел в сознание много часов спустя после страшного, оглушившего его удара.

Хелл не понимал, что с ним, где он находится, почему тело не слушается приказов очнувшегося разума, а когда все же сумел вывернуть шею и оглядеться, то едва не потерял рассудок от вида открывшейся ему картины.

Это было место, где небо сходится с землей.

Седые облака цеплялись за вершины гор, ниже, темным и молчаливым редколесьем по склону тянулись почерневшие стволы мертвых деревьев.

Воздух был холоден, неподвижен, но облака медленно двигались, реагируя на слабые, неощутимые кожей восходящие потоки, которые шевелили тяжкое седое кружево, то приподнимая его полог и обнажая плоскую площадку на вершине горы, то позволяя зыбкой пелене опуститься ниже...

В минуты, когда облачный покров приподнимался, создавалось впечатление, что это неторопливо дышит само небо, а черный вихрь, медленно вращающийся над вершиной, только усиливал ощущение, что рядом присутствует непонятная, чуждая жизнь, которая простирается много дальше, чем видит глаз и осознает разум...

...Затуманенный страхом рассудок Хелла едва ли воспринимал данную картину, как нечто связное, скорее она мелькала перед взором как фрагментарная цепь обрывочных впечатлений и образов, тем более, что обстановка не располагала к целостному восприятию мира. Изворачиваясь, он понял, что связан по рукам и ногам, а мерное покачивание, которое он ощутил сразу, как только очнулся, происходило оттого, что его нес на своей спине страшный воин.

Сразу же, вместо картин окружающей природы, на оцепеневший разум навалились иные ощущения, - Хелл услышал тонкий, повизгивающий звук, который издавали механические мускулы Летарга, обоняние уловило специфичный, ни с чем не сравнимый запах металла и смазки, а занемевшая и, как казалось, потерявшая всякую чувствительность кожа сквозь порванную ткань одежды ощутила ноющий холод

металлической спины тащившего его воина.

Сознание мальчика вновь не выдержало, и он провалился в тяжкое забытье.

***

Второе возвращение сознания оказалось еще более страшным, чем первое.

Яркий, режущий свет бил в глаза, не позволяя различить окружающие предметы, из всех средств восприятия мира остался разве что слух. Оцепеневший от неизбывного ужаса разум воспринимал тихое повизгивание каких-то механизмов и тонкий ритмичный писк, затем Хелл ощутил, как к его голове прикоснулись чьи-то холодные грубые пальцы, и он услышал обыкновенный человеческий голос:

- Мне кажется, парень очнулся, - произнес кто-то невидимый, стоящий сразу за ослепительным светом, бьющим от низкого потолка. - Джоана, откорректируй анестезию. Думаю, ему не нужны лишние впечатления.

Что-то щелкнуло в изголовье, и разум Хелла опять погрузился в небытие.

***

...Никогда в жизни он не видел столько огней.

Зрелище завораживало и подавляло одновременно. Тысячи, нет, миллионы ярких точек окружали его, - одни двигались, сливаясь в текучие огненные потоки, иные были неподвижны, и образовывали хаотичный, лишенный смысла пространственный рисунок.

Хелл, который едва помнил собственное имя, пришел в себя минуту назад на этом самом месте, и теперь, пораженный феерией разлившихся вокруг красок, не мог взять в толк, где он, что случилось и куда подевался из памяти огромный отрезок времени?

Ответ на первый мысленный вопрос он нашел скоро. Его подсказала угольно-черная тьма, которая поглощала все обозримое пространство, расступаясь лишь там, где сияли огоньки. До этого Хелл сталкивался с понятием "темнота", лишь спускаясь в подпол собственного дома, когда его посылала туда мать.

Здесь же тьма, окружившая его, была глобальной, она окутывала все обозримое пространство, и он понял, что находится на темной стороне планеты, куда никогда не заглядывало ни ярко-желтое, ни тускло-красное солнце.

Темная сторона. Страшная обитель Летаргов...

Мысль-понимание резанула, как нож.

Он резко повернул голову, испытывая при этом непривычное ощущение, будто его тело подменили, и только теперь до конца осознал, что стоит на узком балкончике выступающего из стены здания на неимоверной высоте. Маленькая площадка была огорожена низкими металлическими перилами, на которых лежал густой иней.

Хелл в немом оцепенении поднял руку, сгибая ее в локте, и с ужасом услышал тонкий визгливый звук. Это работал сервопривод механических мышц.

Посмотрев на свои пальцы, которые покрывала розовая, ничем не примечательная на вид кожа, он обратил внимание на иней, сверкавший на перилах. В том месте, где он держался за ограждение, остались следы его руки, но кристаллы замерзшей влаги не растаяли от тепла тела - их прихотливый узор всего лишь промялся в тех местах, где пальцы касались металлического ограждения.

Хелла охватил ужас.

Он понял, что с ним произошло нечто жуткое: тело, которое он ощущал, как свое, по всем признакам принадлежало Летаргу...

Сразу же вспомнился режущий глаза свет, нудное попискивание какого-то прибора и голос, отдавший распоряжение погасить его разум.

Внутренне содрогаясь, он осмотрел себя в рассеянном свете, который исходил от множества окон соседнего, расположенного на той стороне улицы здания.

Обычная, похожая на его собственную одежда... Пальцы юноши машинально коснулись обнаженного участка шеи, и он ощутил, что прикоснулся к живой коже...

Жуть подкрадывалась к самому сердцу, и он действительно почувствовал его участившееся биение.

Значит, я живой?

Опуская руку, Хелл опять услышал тот же, едва различимый ноющий звук, будто внутри локтевого сустава был спрятан некий механизм. То же самое происходило при повороте головы или каком-то ином движении.

Что же они сделали со мной?!

Хелл не заметил еще одну разительную перемену - он больше не мыслил как подросток, которого захватили в плен, мысли, хоть и несли внутреннюю эмоциональную окраску, но для возникшей ситуации были слишком спокойными, взвешенными.

Он обернулся и увидел за своей спиной металлическую дверь, подле которой в стене располагалось нехитрое устройство управления.

Узкий балкончик, бездна под ним, текучие огни на улицах, все это

казалось странным, ненормальным, но не вызывало шоковых реакций, словно ему подменили не только тело, но и часть разума.

Оглядываясь, Хелл заметил, что на стене здания, из которой выступал его балкон, нет ни одного окна, но зато полно подобных узких выступов. В скупом свете можно было различить, что на некоторых из них стояли фигуры людей... или Летаргов?... а иные пустовали, и таких было большинство.

Он снова обратил внимание на дверь.

Две кнопки, под которыми ясно читались слова: "Да" и "Нет", крохотный экран и обыкновенная ручка, которая, видимо, приводила в действие запорный механизм.

Хелл без колебаний нажал на нее, но дверь, вопреки его ожиданию, не открылась - тускло вспыхнул вмонтированный в стену экран, и на нем появилась короткая надпись, сформулированная в лаконичный вопрос:

"Вы принимаете свое новое тело?"

Хелл откровенно растерялся.

Как он мог принимать или не принимать то, чего, по сути, не знал? Возможно, тут ключевую роль играли первые ощущения от осознания им своей, явно видоизмененной плоти, в которую были внедрены какие-то механические части?

Экран спрашивает, согласен ли я смириться с телом Летарга? - подумал Хелл, в замешательстве глядя по сторонам.

Понять внутренние ощущения было сложно.

Да, он помнил свое детство, понимал, что на их поселок напали, а его похитили, но что-то нивелировало разум, превращая шоковые ощущения в более терпимые эмоции.

В этот миг один из соседних балкончиков, на котором смутно виднелась человеческая фигура, с громким хлопком опрокинулся, повиснув параллельно стене здания, словно из-под него внезапно убрали опору.

Фигура, секунду назад стоявшая на узком пространстве выступа, с коротким криком канула во мрак.

От этого впечатляющего зрелища Хеллу стало не по себе.

Он сделал интуитивный вывод из увиденного и, обернувшись, нажал кнопку, под которой имелось поясняющее слово "Да".

Экран тут же погас, дверь, до этого неподвижная, скользнула в стену, открывая перед ним короткий, ярко освещенный коридор.

Хелл сделал шаг вперед, уходя с опасного выступа.

Следующая дверь распахнулась перед ним уже без всяких предварительных вопросов, и он оказался на пороге огромного зала, где

находилось множество народа. Одни куда-то спешили по своим делам, иные, так же, как он, в растерянности стояли у стен, совершенно не понимая, где они и что следует делать дальше.

***

Хелл решил, что толку от топтания на месте не будет, и сошел на ближайшую дорожку, которая оканчивалась зевом тоннеля, выводящего из этого зала в какие-то иные помещения.

Людской поток тут же подхватил его, заставляя двигаться в своем темпе, и через минуту Хелл очутился на открытом тротуаре, который тянулся вдоль здания над скупо освещенным многоуровневым ущельем улицы.

Трудно было представить, на какой высоте он находится. Хелл не знал, куда следует идти, он абсолютно растерялся, не имея никакой информации о загадочном городе Летаргов, и потому бесцельно пошел вперед, пока его внимание не привлекла яркая вывеска над двустворчатыми дверьми.

Не видя ничего лучшего, он шагнул внутрь.

Внутри огромного помещения бесновались разноцветные огни, гремела непривычная для слуха музыка, среди феерических красок мелькали извивающиеся в танце тела - все это в первый момент ошеломило Хелла прежде всего своей чуждостью, но, немного постояв подле входа, он постепенно свыкся с окружающей обстановкой. Кроме световых эффектов, он сумел различить в задымленном сумраке расставленные вдоль стен столики, за которыми сидели люди. Он по-прежнему машинально называл обитателей города людьми, хотя в глубине разума понимал, что это не так.

Юноша с трудом пересек зал, лавируя между танцующими, чьи лица трудно было разглядеть из-за постоянно меняющегося освещения, и, окинув взглядом ряд столиков, нашел единственное незанятое место.

Сделав шаг вперед к пустующему креслу, Хелл словно пересек некую незримую для глаза границу, и его внезапно окружила тишина, показавшаяся ватной, ненатуральной после той какофонии звуков, которая терзала слух во время движения по залу.

- Новенький? - резанул по нервам адресованный ему вопрос.

Хелл обернулся.

Второе кресло за столиком занимал молодой человек, лет двадцати пяти, перед ним стоял бокал с искрящейся на свету жидкостью, в которую была опущена трубочка.

- Садись, чего стоишь.

Хелл машинально принял это грубоватое приглашение.

Сев за столик, он посмотрел на незнакомца.

Обычный человек, отличающийся от жителей его поселка разве что одеждой непривычного покроя. Он сидел, расслабленно откинувшись на мягкую спинку кресла, и смотрел на Хелла с усмешкой во взгляде.

- Ты, наверное, недавно с балкона? - предположил он, наблюдая полную прострацию Хелла.

Юноша угрюмо кивнул.

- Ничего не понимаешь, да?

Хелл отрицательно покачал головой. Его разум будто пробуждался после наркоза, и, по мере возвращения памяти, окружающая обстановка казалась ему все более дикой, а произошедшие с ним перемены - ужасными.

- Вот уж не думал, что меня сегодня угораздит стать нянькой для новорожденного, - пробурчал незнакомец, и вдруг, сменив тон на более приветливый, представился:

- Меня зовут Андрий. Я был воином во время последней битвы между людьми и Летаргами.

- Они взяли тебя в плен? - осторожно осведомился Хелл. - И не прикончили как других?

- Летарги никогда не убивают людей, - возразил Андрий.

- Не лги! - Хелл вдруг подался вперед, разом вспомнив и свой ужас, который обуял его во время нападения на поселок, и одноногого деда, и погибшего отца, и множество страшных историй, что рассказывали люди о Летаргах, но наиболее ярким, свежим впечатлением, опровергающим утверждение сидящего напротив Анд-рия, была сцена, виденная им некоторое время назад, на узеньком балкончике...

- Почему ты думаешь, что я лгу? - удивленно спросил Андрий.

- Потому что я видел, как с соседнего балкона вниз был скинут человек.

- Да, брось. Это была кукла. Обыкновенный механический муляж.

- Зачем тогда его скинули вниз?

- Чтобы ты нажал нужную кнопку.

Хелл, раскрыв рот, непонимающе смотрел на собеседника.

- Ладно, не смотри так на меня. Сейчас я тебе объясню, хотя лучше бы им поручить это настоящему психологу.

***

Звукоизолированная кабинка, расположенная у стены танцевального зала, оказалась тем местом, где Хелл в первый раз услышал правду об окружающем его мире.

- Кем ты был, до того как попал в плен? - спросил у него Андрий, нажимая какие-то кнопки со своего торца столика.

Перед Хеллом беззвучно открылась ниша, откуда вверх на крохотном подносе поднялся еще один бокал с точно такой же искрящейся на свету жидкостью, какую пил его собеседник.

- Я был мальчиком, подростком, - ответил он. - Жил недалеко от границы.

- А кем ты себя чувствуешь сейчас?

- Не знаю, - пожал плечами Хелл.

- Ну тебе же было страшно, ты, наверное, тосковал по родителям...

- Да... - кивнул Хелл, мгновенно вспоминая все свои чувства, но они опять показались ему далекими, приглушенными, будто все это происходило не с ним...

- Почувствовал разницу, да?

Хелл кивнул, сглатывая слюну. Во рту пересохло, и он отпил из бокала. Жидкость оказалась горьковатой на вкус, но освежающей.

- Что со мной случилось?

- У тебя изменилось тело и разум.

- Почему? Андрий усмехнулся.

- Неправильный вопрос. Не "почему", а "зачем".

- Зачем? - словно эхо повторил Хелл.

- Чтобы ты мог выжить, - пояснил Андрий.

- Не понимаю, - откровенно признался Хелл. - Я ведь и так жил... До этого.

- Ну да. - Его собеседник взял салфетку и вынул из внутреннего кармана одежды какой-то стерженек. - Смотри сюда. - Он начертил на салфетке круг, а рядом с ним еще два: один больше, а второй поменьше.

- Это наша планета, - пояснил он, заштриховав первую фигуру рисунка. Это Солнце, звезда нашей системы. - Рука Андрия пометила второй объект. Ну а вот этот, красный шарик, который ты знаешь как Владыку Ночи, раньше назывался Луной.

Хелл смотрел на бесхитростный рисунок, но новые названия, да и сами понятия, "планета", "звезда", которые не были ведомы подростку, не показались ему в данный момент чем-то незнакомым, наоборот, - он прекрасно понял, о чем идет речь.

- Пытаешься сообразить, откуда в тебе информация? - заметив его недоумение, усмехнулся Андрий.

Хелл молча кивнул.

- В твоей голове теперь находится небольшой процессорный блок,

который имеет собственные модули памяти. Они содержат все необходимые сведения об окружающем тебя мире и протекающих в нем процессах.

- Поэтому мне кажется, что все происходило не со мной? - догадался Хелл.

- Да, твои чувства проходят логическую обработку в блоках мини-компьютера. Без этого, попав в город, ты бы вел себя, как дикий, не осознающий реальности, злобный и безграмотный шестнадцатилетний мальчишка. Ты сошел бы с ума или натворил бед. Мать-машина действует мудро и осторожно. Она не хочет, чтобы люди погибали или буйствовали.

- Но если я не могу гневаться и любить, значит, я не человек? - сделал безупречный вывод Хелл. С его точки зрения, это был классический образец обретенной логики.

- Нет, конечно. Ты не сможешь выражать чрезмерные эмоции лишь некоторое время, пока твой разум не адаптируется к новому телу и новому образу жизни. Потом все придет в норму, и ты снова станешь нормальным сможешь любить, злиться, совершать немотивированные поступки. Только тебе вряд ли захочется разрушать или убивать - ты поймешь, как тонко сбалансирован окружающий мир, как он хрупок, и сам не захочешь насилия.

- Ты так и не объяснил мне, зачем Летарги нападают на людей?

Андрий с усмешкой посмотрел на Хелла.

- Забудь это деление на людей и Летаргов, - посоветовал он. Послушай, что я скажу тебе: раньше, много веков назад, наша планета вращалась вокруг своей оси, и всю ее поверхность освещало солнце. Землю в ту пору покрывали огромные города, где жили миллиарды людей, а Луна была желтой и являлась холодным спутником нашей планеты.

- И что случилось потом? - спросил Хелл, делая еще один глоток из бокала.

- Потом произошла катастрофа, - ответил Андрий. - Орбита Земли пересеклась с группой астероидов. Два малых небесных тела ударили в нашу планету, еще несколько - в Луну. В результате удара Земля прекратила свое вращение вокруг оси, а Луна была расколота на пять частей, ее магматические недра раскалили обломки и, в конце концов, расплавили их, превратив мертвый и холодный спутник в горячий, тускло-красный шар. Теперь Владыка Ночи медленно остывает, и это длится уже не один век.

- А Земля?

- Земля удержалась на орбите вокруг Солнца, но перестала вращаться и повернута теперь к светилу одной стороной. На одном полушарии царят

мрак и холод, на другом - свет и нестерпимая жара, и лишь в средней полосе, на переходе от мрака к свету, в зоне сумерек, возможна жизнь, - Андрий отчеркнул тонкий поясок, указывая, как ничтожно мала пригодная для проживания людей зона по сравнению с остальной площадью планеты.

- А что случилось с людьми, которые жили на Земле до катастрофы? спросил Хелл.

- Большинство погибло, - кратко ответил Андрий. - Выжили немногие, и они постепенно откочевали в зону сумерек, где сохранились остатки флоры и фауны.

- А Летарги?

- Ты заметил, сколь огромен наш город? - задал ему встречный вопрос Андрий.

- Нет, - покачал головой Хелл. - Я видел только маленькую часть его.

- Можешь тогда поверить мне на слово: он больше, чем может нарисовать воображение. Раньше, до катастрофы, такие города покрывали всю поверхность Земли, и в них, кроме людей, существовала иная жизнь - кибернетическая, искусственно созданная, функционирующая на базе множества компьютеров. Всеми рутинными процессами по жизнеобеспечению городов-мегаполисов занималась Машина, - это условное понятие, объединяющее все компьютеры.

- Она уцелела после катастрофы?

- Частично, - ответил Андрий. - Сохранились некоторые электронные устройства и подвижные механизмы, в том числе и человекообразного типа. Долгое время шел процесс стихийного разрушения городов, оказавшихся как на темной, так и на освещенной стороне планеты, но там, где не могли выжить люди, продолжали функционировать созданные ими кибермеханизмы. Эти машины, снабженные мощными вычислительными устройствами, на основе которых они осуществляли функции саморазвития, постепенно нашли друг друга и объединились на темной стороне планеты, где никто не вмешивался в их действия. Среди руин городов они искали необходимые компоненты для самоподдержания и восстановления главной машины. В конечном итоге им удалось реанимировать компьютерную сеть этого города.

Хелл задумался. Многое из рассказа Андрия казалось ему логичным, понятным и очевидным, неясным оставались взаимоотношения людей, поселившихся в сумеречной зоне и самоорганизовавшихся после катастрофы кибернетических механизмов.

- Для чего они стали нападать на людей?

- Ты неверно формулируешь вопрос, Хелл, - поправил его Андрий. -

Когда была воссоздана полноценная управляющая сеть данного города, которую мы сейчас называем Мать-машина, она произвела анализ последствий катастрофы и подсчет вероятного развития событий в дальнейшем. Ее выводы свидетельствовали о том, что узкая зона умеренного климата, расположенная в зоне сумерек, в скором времени будет перенаселена, к тому же среди людей, из-за резко изменившихся условий существования, начали проявляться мутагенные факторы. Люди приспосабливались к новой среде обитания, численность новых поколений росла, и все это, по аналитической оценке, не могло привести к положительным результатам. Перенаселение сумеречной зоны, нехватка продовольствия и иные факторы неизбежно приводили людей к взаимоистребляющим междуусобным войнам, технической деградации и в конечном итоге - полному вырождению.

- А что за дело машинам до людей? - задал закономерный вопрос Хелл.

- Все кибермеханизмы когда-то были созданы и запрограммированы людьми, - объяснил ему Андрий. - Они проектировались ради служения людям и не могли создать собственную цивилизацию или существовать вне человеческого общества.

- Почему? - нахмурился Хелл, пытаясь отыскать ответ на заданный вслух вопрос в своей новой памяти.

- У каждой машины есть базовая программа. Она не только определяет набор исполняемых функций для каждого отдельно взятого кибермеханизма, но и содержит ограничительные условия для их существования. Любая машина имеет программный смысл своих действий, который заключается в служении людям. Ни один механизм, снабженный блоками псевдоинтеллекта, сколь долго бы он ни развивался, не может причинить вред человеку и обязан приносить пользу своим потенциальным создателям.

- Теперь ты должен понять, - продолжил Андрий, - что, оценив степень деградации сохранившегося человеческого анклава, Мать-машина пришла к неутешительному выводу: люди утратили былые знания и идут по пути вырождения. Идеальным вариантом было бы восстановление цивилизаций на всей поверхности планеты, но этому препятствовали экстремальные для человека климатические условия на двух полушариях, а также утрата технических знаний.

- И какой выход нашла Машина?

- Видоизменить людей. Создать новые человеческие анклавы на темной и светлой сторонах, защитив их от пагубного влияния биосферы

новыми, наполовину синтетическими телами и снабдив древними техническими знаниями, посредством имплантирования в мозг мини-компьютера, содержащего техническую информацию об истинных процессах, протекающих в окружающем мире.

- Ты хочешь сказать, что Летарги никогда не убивали людей?

- Никогда, - убежденно ответил Андрий. - Я наглядный пример тому. Я был воином, принимавшим участие в самом грандиозном сражении последних лет, происходившем на границе сумерек и тьмы. Летарги всегда пользуются одним видом оружия - маленькими стрелами с парализующим составом и всегда уносят с собой тела обездвиженных людей. Здесь им делают операции, совершенствуя тела и разум, в результате чего очнувшийся человек может не только существовать на обоих полушариях планеты, но и получает массу новых знаний, которые постепенно обретают гармонию со старой психологией и мировоззрением.

Хелл глубоко задумался.

Рассказ Андрия сочетал множество новой ошеломляющей информации, с незначительными фактами - как общеизвестными, так и сугубо личными.

Хелл слышал, что Летарги никогда не оставляют на поле боя мертвых тел. Никто и никогда, даже дед, лично принимавший участие в том сражении, где по его словам погиб отец мальчика, не мог объяснить, как это происходит. Проигрывали исчадия темной стороны какую-либо конкретную битву или же выигрывали ее, сражение всегда заканчивалось одинаково - что-то мутило разум людей, заставляя их засыпать, а очнувшись, они уже не находили тел своих погибших сотоварищей, а уж тем более - поверженных Летаргов.

А как же нога деда? - подумал Хелл и тут же осекся в мыслях. Он вспомнил, что последнее большое сражение происходило под предводительством нового государя. Битва длилась почти сутки, и за это время некоторую часть людей, сраженных стрелами Летаргов, удалось оттащить в безопасное место. Ногу деду отнял поселковый лекарь, после неудачного удаления задевшей кость диковинной металлической стрелы...

Да, Андрий не лгал, и его рассказ был логичен. На сельском кладбище могилы воинов, по большей части, являлись символичными - в них некого было хоронить.

- Значит, все люди, превращенные в Летаргов, теперь подчиняются этой Машине? - спросил он у Андрия, расслабленно сидевшего в своем кресле.

- Нет, - покачал головой тот. - Ты разве не понял, о чем я тебе

рассказал? Машина не управляет людьми. Она создана для служения нам, и, если бы после катастрофы не сохранилось определенное количество кибермеханизмов, ты сейчас не сидел бы тут, да, может, и вообще не родился бы на свет. Перенаселение умеренной климатической зоны уничтожило бы большую часть людей еще много веков назад, а те, кто выжил, превратились бы в дикарей, утративших всякое представление о цивилизации.

- А так каждый "погибший" в столкновениях с Летаргами становился членом нового общества? - догадался Хелл.

- Верно, - кивнул Андрий. - А постоянное напряжение, угроза извне вынуждают население умеренной зоны поддерживать приемлемый общественный строй и ряд технологий.

Хелл опять задумался, а потом спросил:

- Но, меняя наши тела и внедряя в разум свой компонент, разве Машина не делает нас зависимыми от себя?

- Нет. Наоборот - она делает нас независимыми от сложившихся в результате глобальной катастрофы обстоятельств. Тебя никто не обязывает жить определенным образом. Ты можешь делать все, что тебе вздумается: поселиться в любом месте, выбрать интересный род занятий, а некоторые технические знания вкупе с мощностями мини-компьютера помогут тебе выжить и правильно оценить новый мир.

- То есть меня не запрограммировали?

- Ни в коем случае. Все, кто приходит в себя после операции, содержат одну короткую программу, будем говорить так: маршрут движения. Ты вышел с балкона и попал сюда, двигаясь по наикратчайшему пути. Теперь, когда я растолковал тебе суть некоторых вещей, твой разум свободен для принятия решений.

- А этот спектакль на балконе? Андрий усмехнулся.

- Это единственная дань, которую каждый платит машине, - ответил он. Она не может совершать насилие над человеком. Твой ответ занесен в ее базу данные ты добровольно принял свое новое тело, и в ее программах не возникнут противоречия. Это придумала не она, а люди. Машина не способна на такое.

- Каждого очнувшегося заставляют ответить "Да"?

- Естественно. Иначе у машины произойдет сбой действие по изменению человеческих тел будет признано ею неправильным, если люди станут отвергать его. Мы еще не вполне вернули прежние знания, чтобы сознательно, без мелких уловок, управлять самой машиной, но поверь, вскоре все вернется - я имею в виду те знания и ту цивилизацию, что

существовала до катастрофы.

- Это будет другая цивилизация, - интуитивно произнес Хелл.

- Да, другая, - согласился Андрий. - Но иначе ее бы не было вообще. Возможно, в будущем мы сможем вновь вернуть земному шару его прежнее направление вращения и Земля снова оживет на всей территории --тогда люди смогут сами решать, в каких телах им жить, но что касается меня - я благодарен машине за новое тело. В умеренной зоне я бы дожил до сорока лет, и потом все... в землю, под могильный холмик.

- А каков срок жизни Летарга?

- Не знаю. На моем веку еще никто не умирал, хотя я тут уже шестнадцать лет. Ты должен понять, Хелл, что внешность не имеет значения. Человек жив, пока мыслит, чувствует, а наша нервная система и мозг не претерпели изменений, они живые, лишь оболочка, питающая и защищающая эти уязвимые органы, усовершенствована. Ты понимаешь меня?

- Да... - кивнул Хелл, напряженно думая о чем-то своем. - Ты говоришь, что в мой разум была внедрена лишь одна короткая программа, содержащая первый маршрут движения? - наконец спросил он, пристально посмотрев на Андрия. - Значит, я пришел сюда, подчиняясь ей, а ты не случайный встречный? Ты солгал мне, досадуя на то, что невольно занимаешься просвещением "новорожденного"?

Андрий широко улыбнулся.

Хелл продолжал в упор смотреть на него.

- Ты?... - его голос дрогнул от внезапного предчувствия.

- Да, Хелл... - Лицо Андрия изменилось, его глаза влажно блеснули. Ты догадался?

- Отец?...

Немота, вызванная потрясением, куда большим, чем осознание своего нового тела и огромного мира вокруг, некоторое время не давала Хеллу произнести ни слова, - они сидели и смотрели друг на друга - отец и сын, два человека новой, только зарождающейся эпохи возрождения Земли.

- Пойдем, я покажу тебе этот мир, сынок... - наконец произнес Андрий, поднимаясь из-за стола и протягивая руку. - Уверен, ты полюбишь и темную, и светлую стороны новой Земли...